

*Шамис Дарья,
Школа философии
Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ,
аспирант*

О сущности долженствования

Что такое Добро? Что делает некоторый образ жизни должным? Лучше всего смысл этой проблемы выразил Владимир Соловьёв в своём труде «Оправдание добра»: «при полном и отчётливом знании добра может ли, однако, данное разумное существо оказаться настолько к нему невосприимчивым, чтобы безусловно и решительно его отвергнуть и принять зло?»¹. В этой цитате Соловьёв указывает на удивительную способность человека самостоятельно избирать для себя моральные принципы, по которым он будет действовать. Ведь если существует абсолютный моральный закон, то должен быть и критерий, по которому этот закон есть добро, что значит, достоин избрания в качестве руководства. К примеру, критерий упорядоченности или полезности. Но этот критерий в свою очередь тоже должен иметь основание своей привилегированности, так что в подобном поиске всё новых измерений можно уйти в бесконечность.

Или сама сущность добра есть критерий? Тогда знание добра должно обеспечивать и согласие с ним. Но такое знание не может быть простым наличием некоторой информации о том, как устроен мир. Такое теоретическое знание есть лишь наличие сведений, и в его рамках даже известие о бытии Бога и наличии морального закона будет лишь фиксацией некоторого положения дел.

Известный пример подобной ситуации описал Ф.М.Достоевский в своём романе «Братья Карамазовы». Один из его героев Иван признаётся своему брату Алёше, что не может принять порядок мира, в котором страдают невинные люди. Допуская, что мир действительно может быть устроен Богом как стремящийся в конце концов к всеобщей гармонии и всепрощению, он никак не может примириться со средствами достижения этого финального благостного состояния: как мог Бог, которого все называют добрым, допустить страдания детей? Почему этот Бог задумал мир, в котором, чтобы человечество пришло к святости, должны страдать невинные? В данном случае мораль оказывается чем-то большим, чем то, как устроен мир.

---

¹ Соловьёв В.С. *Оправдание добра* // Соловьёв В.С. Сочинения. – М.: Мысль, 1990, С.118

Сущность долженствования не может заключаться в факте, в том, как мир есть. Что значит «ты должен»? Что значит «так поступать хорошо»? К примеру, Витгенштейн в ранний период философствования писал о том, что факты не обладают никакой внутренней ценностью, лишь характеристики, которые суть формы логической комбинации объектов. Витгенштейн утверждает, что ценности могут присутствовать только за пределами фактов, то есть того, что происходит или может происходить в мире. В сфере морали это значит, что критерий должного не имеет отношения к тому, что происходит или может происходить в мире, то есть, если переходить уже к интересующей нас области фактического, к самому образу действия. Это становится очевидным, если взглянуть на структуру любого морального утверждения, к примеру, такого: «Нельзя убивать других людей». Сам по себе принцип действия, в данном случае «убивать других людей», может быть действительным фактом или возможным, но в своей фактичности ничем не будет отличаться от любого другого, даже от падения камня². Определяет же этот факт как недолжный, то есть делает его, собственно, «убийством», нечто вне самого факта, то есть вне языка и вне мышления, коль скоро оно лишь дискурсивно. Закон содержит утверждение о том, что могло бы иметь место, но само его долженствование не является фактом.

Однако Витгенштейн выносил за пределы мира ценности всякого рода, не только моральные. Но отношение к этому рода предметам существенно отличается от отношения к вещам и всему тому, что происходит в мире по законам природы. Знание о том, осмыслен ли мир, что это за смысл, как человеку следует поступать и ради чего, строго говоря, безразлично самому познающему. Чем отличается желание яблока от желания наличия в мире смысла?

С первого взгляда кажется, что эти желания отличаются их значимостью для нас. В самом деле, нам не так важно, чем именно нам выпало питаться. В мире могли быть иные законы природы, и мы вполне могли завтракать берёзовой корой или солнечной энергией. Подобные мысли не возбуждают в нас никакого существенного недовольства. Однако когда речь идёт о другой морали что-то препятствует нашему безразличию в этом вопросе.

С точки зрения структуры это значит, что моральное чувство выталкивает человека за пределы мира как он есть, в то время как прочие чувства имеют дело с объектами внутри мира. Когда я хочу яблоко, я вступаю в отношение лишь с яблоком. Когда же я хочу помочь кому-то, я вступаю в отношение с моральным законом, трансцендентным всем

---

² Витгенштейн Л. *Лекция об этике (1929 или 1930)* // Витгенштейн Л. *Дневники 1914-1916*. – М.: Канон+, 2009, С.33

конкретным положениям дел, а именно, с его долженствованием. Желая съесть яблоко, человек находится во власти соответствующего закона природы. Моральное же стремление направлено на сам закон, точнее, на то, чтобы его реализовать. В этом случае не закон порождает желание, а желание делает закон, собственно, законом.

В своих дневниках Витгенштейн мучительно ищет ответ на вопрос о том, откуда берётся такое желание, но приходит к заключению, что такого просто нельзя обнаружить: «И если теперь я спрашиваю себя: Почему я должен жить именно счастливо, то это само по себе кажется мне тавтологичной постановкой вопроса; кажется, что счастлива жизнь оправдана сама собой, что она есть единственно правильная жизнь» [17.С.132]. Иными словами, не следует продолжать задавать вопросы об основаниях морального побуждения. Ведь спрашивать об основании, о причине чего-то мы можем лишь в том случае, если это что-то является феноменом. Но в случае с должным мы всегда оказываемся в ситуации, когда основание выбора уже нельзя различить. Оно является лишь косвенно в том, что же, в конечном счёте, мы выбираем. Как полагал Гегель, Дух на каждой стадии своего развития осознаёт все предыдущие свои состояния как необходимые этапы становления, раскрывающие его содержание. Строго говоря, то же происходит и с конкретным познающим субъектом: совершая выбор, он ретроспективно подбирает достойное причины в качестве обоснования своего решения. Однако, как для Духа Гегеля не ясно, что побуждает его на каждом из этапов принимать то, что казалось ему противостоящим, как часть себя, так и познающий субъект остаётся в неведении, что же на самом деле побудило его к выбору. И это основание решения есть как раз место личной ответственности, место субъекта, поскольку оно не может подобно объекту, фихтеанскому не-Я, быть дистанцировано от него.

В связи с этим есть основания определить такое желание как волю в том смысле, что это активное начало, самость, являющаяся в своих действиях. Потому, к примеру, у Канта моральное чувство является не мотивом доброй воли, а ею самой. Возможно, поэтому воля Шопенгауэра имеет возможность объективации. Поэтому Витгенштейн пишет: «вещи приобретаю «значение» лишь через их отношение к моей воле»³.

Однако далее встают ещё более сложные вопросы. Необходимость рассмотрения содержания морального стремления определяется очевидным фактом, что моральные действия всегда определённы. Но тогда то, что не может быть объективировано, начинает рассматриваться как объект, что вызывает новые вопросы: различно ли моральное чувство у разных людей или оно у всех одно, должно ли оно быть одно, как можно научить моральному чувству, каковы причины возникновения различных моральных побуждений и

---

³ Витгенштейн Л. Дневники 1914-1916. – М.: Канон+, 2009, С.140

т.п. Однако, отвечая на все эти вопросы, мы всё же остаёмся в рамках своего собственного чувства. познающему субъекту, то есть тому, кто, собственно, и создаёт эти теории, не доступен взгляд извне самого себя. Ценностям как фактам тоже должна быть присвоена некоторая ценность, которая уже будет не фактом, а взглядом признающего или отрицающего эту теорию индивида. Иными словами, здесь стоит различать то, как устроен мир, и точку зрения субъекта, которая единственная на самом деле дана нам. Как поэтично выразился Уильям Джеймс, «мы стоим в горном проходе, среди снежных вихрей, окутанные туманом, сквозь который иногда открывается вид на тропинки, быть может, обманчивый» [16.С.206]. На какие данные обращать внимание, каким доказательствам доверять, что, в конце концов, искать – всё это познающий субъект определяет сам. Это касается, строго говоря, не только морального, но любого знания, в том числе и научного.